

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА

ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ	5
I. Интервенционизм как экономическая система	5
II. Сущность «вмешательства»	7
III. Вмешательство путем регулирования производства	11
IV. Вмешательство путем регулирования цен	15
V. Разрушение как результат политики интервенционизма	22
VI. Доктрина интервенционизма	29
VII. Исторические и практические аргументы в защиту интервенционизма	36
VIII. Новые работы по проблеме интервенционизма	40
СВЯЗАННАЯ ЭКОНОМИКА	54
I. Господствующее учение о связанной рыночной экономике	54
II. Тезисы Шмаленбаха	61
СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ	68
Вступление	68
I. Катедер-социализм	70
II. Либерализм и социал-либерализм	76
III. Власть или экономический закон?	83
IV. Спор о методах	87
V. Экономические доктрины социал-либерализма	92
VI. Понятие социальной политики и кризис социальной политики	98
VII. Макс Вебер и катедер-социализм	102
VIII. Несостоятельность господствующей идеологии	105
АНТИМАРКСИЗМ	108
I. Марксизм в немецкой науке	108
II. Национальный (антимарксистский) социализм	123
III. Зомбарт как марксист и как антимарксист	131
IV. Антимарксизм и наука	141
ТЕОРИЯ ТВЕРДЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕН	144
Введение	144

II. Твердые государственные цены	147
А) Санкционированные цены	147
В) Настоящие твердые цены	150
III. Значение теории твердых государственных цен для теории о формах общества	158
ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ КРЕДИТА?	160
I. Частнокапиталистические интересы и народнохозяйственные интересы	162
II. Бюрократическое или коммерческое управление национализированной банковской системой?	166
III. Опасность перенапряжения кредитной системы и иммобилизации	171
Заключение	172

ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

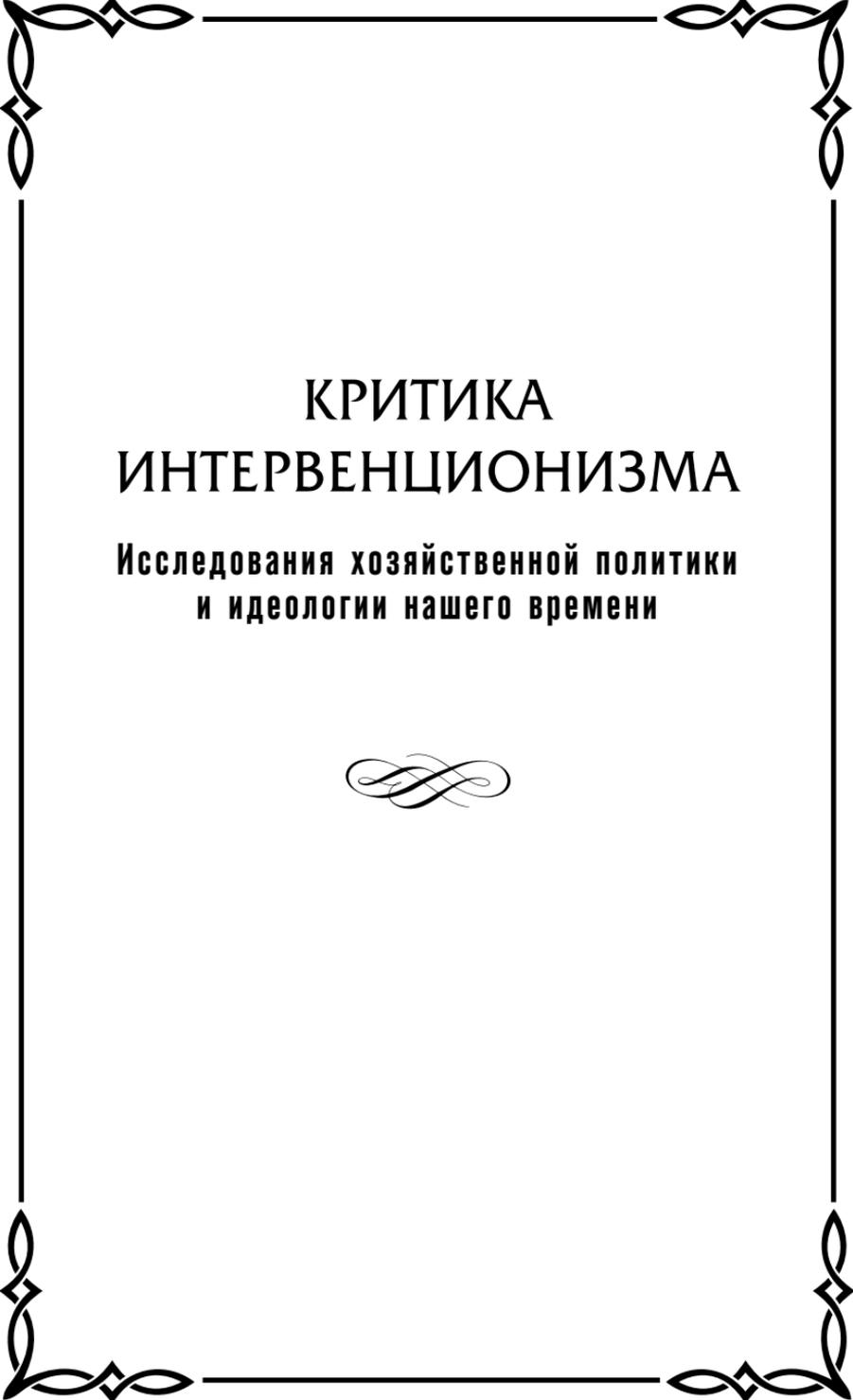
ПРЕДИСЛОВИЕ	175
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	179
ВВЕДЕНИЕ	184
1. Проблема	184
2. Капитализм, или рыночная экономика	185
3. Социалистическая экономика	190
4. Капиталистическое государство и социалистическое государство	194
5. Интервенционистское государство	196
6. Призыв к моральной реформе	199
I. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПУТЕМ ОГРАНИЧЕНИЯ	205
1. Природа ограничительных мер	205
2. Затраты и выгоды, связанные с ограничительными мерами	206
3. Ограничительные меры как привилегия	207
4. Ограничительные меры как расходы	208
II. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПУТЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН	211
1. Альтернатива: статутное право по сравнению с экономическим законом	211
2. Реакция рынка	215
3. Минимальная заработная плата и безработица	220
4. Политические последствия безработицы	224
III. ИНФЛЯЦИЯ И КРЕДИТНАЯ ЭКСПАНСИЯ	226
1. Инфляция	226

2. Кредитная экспансия	231
3. Валютный контроль	238
4. Бегство капитала и проблема «горячих денег»	240
IV. КОНФИСКАЦИЯ И СУБСИДИИ.	245
1. Конфискация	245
2. Получение средств для покрытия государственных расходов	248
3. Убыточные общественные работы и субсидии	251
4. «Альтруистическое» предпринимательство	254
V. КОРПОРАТИВИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ	256
1. Корпоративизм	256
2. Синдикализм	261
VI. ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА	264
1. Война и рыночная экономика	264
2. Тотальная война и военный социализм	266
3. Рыночная экономика и национальная оборона	268
VII. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА	275
1. Экономические последствия	275
2. Парламентская форма правления и интервенционизм	278
3. Свобода и экономическая система.	281
4. Великое заблуждение	285
5. Источник успеха Гитлера	287
VII. ВЫВОДЫ	293

БЮРОКРАТИЯ

ВВЕДЕНИЕ	299
Оскорбительный смысл термина «бюрократия»	299
Обвинения, предъявляемые бюрократии гражданином	300
Взгляды «прогрессистов» на бюрократию	309
Бюрократизм и тоталитаризм	313
Альтернатива: управление во имя прибыли или бюрократическое управление	316
УПРАВЛЕНИЕ ВО ИМЯ ПРИБЫЛИ	319
Действие рыночного механизма	319
Экономический расчет	321
Управление в системе, ориентированной на получение прибыли	329
Управление кадрами при свободном рынке труда	334

БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	338
Бюрократия при деспотическом правлении	338
Бюрократия в демократической системе	339
Основные черты бюрократического управления	342
Суть бюрократического управления	345
Бюрократическое управление кадрами	350
БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ПРЕДПРИЯТИЯМИ	355
Неосуществимость всеохватывающего государственного контроля	355
Государственное предприятие при рыночной экономике. . .	357
БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧАСТНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ	362
Как государственное вмешательство приводит к бюрократизации бизнеса	362
Ограничение размеров прибыли.	363
Вмешательство в подбор кадров	367
Зависимость от произвола государственных учреждений . . .	369
СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ БЮРОКРАТИЗАЦИИ	372
Философия бюрократизма.	372
Бюрократическое самодовольство	374
Бюрократ как избиратель	377
Бюрократизация сознания	379
Кто должен быть хозяином?	386
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЮРОКРАТИЗАЦИИ	391
Немецкое молодежное движение	391
Судьба подрастающего поколения	395
Авторитарная опека и прогресс	399
Выбор диктатора.	402
Исчезновение критического чувства	404
ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?	409
Прошлые неудачи	409
Экономическая теория против планирования и тоталитаризма	410
Простой гражданин против профессионального пропагандиста бюрократизации	416
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	422

**КРИТИКА
ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА**

**Исследования хозяйственной политики
и идеологии нашего времени**

Первое издание: *Mises L. von. Kritik des interventionismus: Untersuchungen zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsideologie der Gegenwart.* — Jena: Gustav Fischer, 1929. — iv + 136 S. Перевод выполнен по изданию: *Mises L. von. Kritik des Interventionismus: Untersuchungen zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsideologie der Gegenwart. Verstaatlichung des Kredits?* — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. — xii + 146 S. Перевод с немецкого И. П. Шматова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конфликты, которые происходят между народами и государствами, а в составе отдельных народов и государств — между партиями, неформальными объединениями граждан и котериями¹, настолько занимают наше внимание, что при этом мы упускаем из виду, что сегодня все участвующие в этих конфликтах стороны, невзирая на ожесточенность противоборства, придерживаются одних и тех же экономических принципов. Не составляют в данном случае исключение и сторонники обобществления средств производства, начиная с того времени, когда сначала приверженцы Второго, а затем и Третьего Интернационала, провозгласив политику перехода к системе НЭПа, по крайней мере на настоящий момент и на ближайшее будущее, отказались от осуществления своей программы социализации. Почти все авторы, занимающиеся проблемами экономической политики, и почти все государственные деятели и партийные руководители в качестве идеала рассматривают систему, которая, как они считают, не является ни капиталистической, ни социалистической, которая не предполагает существования ни частной, ни общественной собственности на средства производства и в которой сфера частной собственности ограничивается, регулируется и управляется путем вмешательства со стороны правительства и других общественных сил принуждения (например, профсоюзов). Мы называем экономическую политику, направленную на достижение этого идеала, *интервенционизмом*, а саму систему — *связанной экономикой* (*gebundene Wirtschaft*)².

¹ [*Котерия* — группа лиц, преследующая узкокорыстные интересы (*устар.*). — *Прим. ред.*]

² [В сочинениях, написанных на английском языке после эмиграции в США в 1940 г., для описания регулируемой государством рыночной экономики Л. фон Мизес использовал выражения *hampered economy* или *hampered market* (см. прежде всего «*Human Action*» (1949), Pt. 6), буквально означающие «стесненная экономика» или «стесненный рынок». По сложившейся традиции они переводятся как «деформированная экономика», «деформированный рынок». В настоящем сборнике описательный термин *gebundene Wirtschaft* будет переводиться как «связанная экономика». — *Прим. ред.*]

Одобрение программы интервенционизма объединяет Москву и фашизм, ее разделяют христианские церкви и религиозные секты всех направлений, солидаризуясь с мусульманами Ближнего Востока и Индии, с индуистами, буддистами и адептами других азиатских культовых сообществ. Тот же, кто изучит программы и действия политических партий Германии, Англии и США, обнаружит, что различия между ними существуют только в вопросе о том, как реализовать политику интервенционизма; вопрос о том, нужна ли она вообще, даже не возникает.

В совокупности пять нижеследующих очерков и статей¹ представляют собой критику экономической политики интервенционизма и лежащих в ее основе идеологических построений. Четыре из них опубликованы в течение последних лет — три в научных журналах и одна в «Справочнике общественно-политических наук» («Handwörterbuch der Staatswissenschaften»). Вторая статья, в которой среди прочего рассматриваются опубликованные в текущем году теории Шмаленбаха, публикуется здесь впервые.

Автор

Вена,
июнь 1929 г.

¹ [Шестую статью «Огосударствление кредита» Л. фон Мизес изначально планировал включить в сборник «Kritik des interventionismus», но редактор затерял переданный автором рукописный экземпляр среди своих бумаг и обнаружил только после того, как книга была отправлена в печать. Впервые эта статья была опубликована в: Zeitschrift für Nationalökonomie. Bd. I. 1930. S. 430—439. Она была включена во второе немецкое издание «Kritik des interventionismus», вышедшее в 1976 г. — Прим. ред.]

ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ¹

I. ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

С того момента, когда большевики отказались от намерения с наскака осуществить социалистический общественный идеал в России и пошли на замену своей первоначальной политики «новой экономической политикой», НЭПом, во всем мире проводится только одна система практической экономической политики — интервенционизм. Часть приверженцев и защитников интервенционизма рассматривает его только как временную систему экономической политики, которая через определенный, более или менее значительный промежуток времени уступит место другой системе, а именно одной из разновидностей социализма. В их число входят все социалисты, стоящие на позициях марксизма, включая большевиков, а также консервативные социалисты различных направлений. Другая часть полагает, что интервенционизм является системой, рассчитанной на достаточно длительный срок. Однако такое различие в оценке временных параметров существования интервенционистской экономической политики сегодня имеет не более чем академическое значение. Поскольку все ее приверженцы и защитники едины в том, что на ближайшие десятилетия, а быть может, и на протяжении жизни целого поколения интервенционизм останется правильной политикой. В интервенционизме они видят такую экономическую политику, которая будет существовать по крайней мере в течение какого-то времени. Сторонники интервенционизма декларируют приверженность сохранению частной собственности на средства производства, но одновременно хотели бы регулировать действия владельцев средств производства административными предписаниями, прежде всего административными запретами. Если такое государственное руководство деятельностью собственников средств производства и предпринимателей, распоряжающихся средствами производства с согласия владельцев, распространится столь далеко, что все существенные решения будут приниматься

¹ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 56. Bd. 1926.

в соответствии с административными предписаниями, т.е. решение вопроса о том, что и как производить, будет зависеть не от стремления землевладельцев, капиталистов и предпринимателей к получению прибыли, а от интересов государства, то мы получим социализм, пускай даже при сохранении частной собственности по названию. И очень правильно о таком общественном устройстве пишет Шпанн: хотя в его рамках «формально существует частная собственность, по сути дела речь идет исключительно об общественной собственности»¹. Но ведь общественная собственность на средства производства есть не что иное, как социализм и коммунизм.

Однако интервенционизм не хочет, и это является его характерной чертой, заходить столь далеко. Он хочет не ликвидировать, а только ограничить частную собственность на средства производства. С одной стороны, он заявляет, что ничем не ограниченная частная собственность на средства производства вредит обществу, а с другой стороны, считает введение общественной собственности на средства производства, социализма, невозможным вообще или по крайней мере в настоящее время. Поэтому он хотел бы создать нечто третье, т.е. такое общественное состояние, которое было бы промежуточным между частной собственностью на средства производства, с одной стороны, и общественной собственностью на средства производства — с другой. Тем самым предполагается избежать «пороков» и недостатков капитализма, сохранив в то же время все преимущества свободы инициативы и предприимчивости, которые социализм обеспечить не в состоянии.

То, чего требуют здесь поборники системы частной собственности, руководимой, регулируемой и контролируемой государством и другими органами общества, всегда являлось целью людей, обладающих политической властью, и масс. Попытки регулировать развитие экономики путем административных предписаний предпринимались еще в те времена, когда не существовала экономическая наука, когда отсутствовало знание о том, что цены устанавливаются не произвольно, а главным образом под влиянием рыночной ситуации в пределах очень узко очерченных границ. И только представители классической политической экономии сумели показать, что все подобные меры вмешательства в механизм рынка никогда не приведут к успеху, на который рассчитывают ини-

¹ *Spann. Der wahre Staat. Leipzig, 1921. S. 249.*

дирующие их власти. Поэтому старый либерализм, экономическая политика, построенная на выводах классической политической экономии, в принципе отрицает любое вмешательство такого рода. *Laissez faire et laissez passer!*¹ Но и марксистский социализм занял по отношению к интервенционизму точно такую же позицию, что и либералы. Он попытался показать полную нелепость всех интервенционистских рецептов, презрительно охарактеризовав их как «мелкобуржуазные». И тем не менее идеология, которая сегодня овладела миром, рекомендует систему экономической политики, которая была отвергнута и либерализмом, и марксизмом в его более старом варианте.

II. СУЩНОСТЬ «ВМЕШАТЕЛЬСТВА»

Проблему интервенционизма не следует смешивать с проблемой социализма. Здесь речь не идет о том, мыслим и осуществим ли в какой-либо форме социалистический строй. Решение вопроса о возможности или невозможности построения человеческого общества на основе общественной собственности на средства производства представляет собой отдельную задачу, которая в данном случае не является предметом нашего исследования². Стоящая перед нами проблема формулируется следующим образом: какое воздействие оказывают властные и другие принудительные меры вмешательства в рамках общественного порядка, построенного на основе частной собственности на средства производства? Способны ли подобные меры воздействия обеспечить успешное достижение тех целей, которые они преследуют?

Чтобы решить эту проблему, естественно, необходимо дать определение понятию «вмешательство».

1. В нашем понимании меры, предпринимаемые с целью сохранения и обеспечения частной собственности на средства производства, не являются «вмешательством». Этот вопрос настолько ясен, что, собственно говоря, не вызывает какой-либо необходимости в особом рассмотрении. Если тем не менее

¹ [Позвольте идти и позволяйте действовать! (фр.) Читается как «лэсэ фэр, лэсэ пассэ». — *Прим. ред.*]

² [Об этом см.: *Мизес. Социализм: экономический и социологический анализ.* М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 97—110; *Мизес. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.* Челябинск: Социум, 2012. С. 646—653. — *Прим. ред.*]

упоминание о нем не будет излишним, то только ввиду того обстоятельства, что нашу проблему зачастую принято увязывать с проблемой анархизма. При этом приводятся следующие аргументы: если признать необходимой деятельность государства по защите частной собственности, то тогда нет оснований исключать возможность вмешательства государства, выходящего за рамки этой деятельности. Анархист, выступающий против любой формы государственной деятельности, при такой постановке вопроса рассуждает последовательно. Непоследователен тот, кто, верно осознавая неосуществимость анархизма и рассматривая государственную организацию с ее аппаратом принуждения как необходимую для обеспечения общественного сотрудничества людей, хочет ограничить эту государственную деятельность узкими рамками. Очевидно, что такого рода рассуждения целиком и полностью ошибочны. Здесь мы обходим стороной вопрос о том, возможна или нет совместная жизнь людей в обществе без организованного аппарата принуждения, который называют государством или правительством. Предметом нашего исследования является исключительно вопрос о том, существуют ли — помимо синдикализма — только две допустимые возможности для организации общества на основе разделения труда, а именно общественная или частная собственность на средства производства, или же наряду с ними, как предполагает интервенционизм, возможна еще и третья система — система частной собственности, регулируемая мерами властного вмешательства. Заметим, что сам вопрос о необходимости государственной организации необходимо тщательно отделять от вопроса, на какие сферы и в каком объеме должно распространяться государственное воздействие. Из того факта, что общественная жизнь не может обойтись без аппарата государственного принуждения, отнюдь не следует полезность насилия над совестью, книжной цензуры и других аналогичных мер, так же как не вытекает из него необходимость, полезность или даже просто возможность определенных мер экономического порядка.

Для обеспечения существования частной собственности на средства производства вовсе не требуются распоряжения, принимаемые в целях защиты конкуренции. Согласно широко распространенному заблуждению основное содержание экономического порядка, который является идеальным для либерализма, составляет конкуренция между несколькими

производителями одного и того же товара. Однако сущность либерализма связана с частной собственностью, а не с концепцией свободной конкуренции, к тому же часто неправильно интерпретируемой. Решающее значение имеет не то обстоятельство, что существует много фабрик, на которых делают граммофоны, а то, что средства производства для их изготовления находятся не в собственности общества, а в руках частных владельцев. Частично вследствие этого недоразумения, частично исходя из толкования понятия свободы под влиянием теорий естественного права была предпринята попытка с помощью антикартельных и антитрестовских законов остановить движение к созданию крупных предприятий. Здесь не место обсуждать полезность такой политики. Констатируем лишь следующее: пониманию народнохозяйственной функции любой конкретной меры в самую последнюю очередь может служить ее оправдание или отрицание с помощью какой-либо юридической теории. Юриспруденция, государственное и политические науки не состоянии сказать нам ничего, что могло бы послужить в качестве основы для принятия решения в пользу или против конкретной меры социально-экономической политики. И не имеет абсолютно никакого значения, соответствует ли данное решение положениям какого-либо закона или конституционного документа, даже если речь идет о таком достойном всяческого уважения и известном документе, как Конституция США. Если установленная людьми юридическая норма не соответствует своему назначению, она необходимым образом должна быть изменена; поэтому при рассмотрении целесообразности какой-либо меры экономической политики никогда нельзя использовать в качестве аргумента утверждение о том, что она противоречит законодательству, действующим правовым и конституционным нормам. Собственно говоря, и это утверждение также настолько тривиально, что не требовало бы никакого специального упоминания, если бы его постоянно не предавали забвению. Подобно тому как когда-то германскую социальную политику попытались вывести из сущности прусского государства и «социального королевства», в США в экономической дискуссии пытаются использовать аргументы, позаимствованные из Конституции или из интерпретаций понятий свободы и демократии. В значительной мере на такого рода умозаключениях построена одна из весьма влиятельных теорий интервенционизма, учение профессора Коммонса,

которая имеет, в том числе, огромное практическое значение, поскольку отражает философию партии Лафолетта и политику штата Висконсин. Авторитет американской Конституции ограничен территорией США. Идеалы демократии, свободы и равенства повсеместно не подвергаются сомнению, и мы видим здесь, как под их знаменем выдвигают требования, направленные то на ликвидацию, то на «ограничение» частной собственности. Все это не имеет, однако, никакого значения для нашей проблемы и поэтому в ходе дальнейшего изложения будет оставлено без внимания.

2. Социализация части средств производства не является вмешательством в нашем понимании. Понятие вмешательства исходит из той посылки, что частная собственность отдельного человека не отменяется, что она продолжает существовать — не только по названию, но и по сути. Национализация железнодорожной компании не является вмешательством, скорее это приказ, в соответствии с которым железнодорожной компании предписывается установление более низких тарифов на перевозку грузов по сравнению с теми, которые она хотела бы установить, если бы имела полную свободу действий.

3. Понятие вмешательства не включает в себя действия властей, опирающиеся на рыночные инструменты, т.е. такие, которые преследуют цель воздействовать на спрос и предложение, изменяя рыночные факторы. В тех случаях, когда власти закупают на рынке молоко, чтобы затем продать его малоимущим матерям по низким ценам или даже распределить это молоко между ними бесплатно, или когда власти руководят образовательными учреждениями как дотационными, вмешательство отсутствует. (Вопрос о том, можно ли рассматривать путь, на который вступают власти, чтобы получить в свои руки средства для осуществления такого рода действий, как «вмешательство», будет рассмотрен отдельно.) В отличие от этого предписание продавать молоко по максимально высоким ценам означало бы вмешательство.

Вмешательством является исходящий от одного из институтов публичной власти отдельный изолированный приказ, который принуждает собственников средств производства и предпринимателей использовать эти средства производства иначе, чем они это делают обычно. «Изолированный приказ» означает, что он не составляет часть системы приказов, которая регулирует все производство и распределение и тем самым ликвидирует частную собственность

на средства производства, ставя на ее место общественную собственность, социализм. Как бы велико ни было количество приказов, которые мы имеем в виду, до тех пор, пока они в плановом порядке не направлены на управление экономикой в целом и на замену стремления индивидуумов к получению прибыли всеобщим послушанием в качестве главной движущей силы совершаемых действий, их необходимо рассматривать как изолированные приказы. Под «средствами производства» следует понимать все товары более высоких порядков, т.е. все имеющиеся в наличии товары, которые пока еще не поступили в распоряжение покупателей в целях использования или потребления, включая товары, в торговом смысле «готовые к употреблению» и находящиеся на складе продавца.

Мы различаем две группы таких приказов: одни сдерживают или непосредственно затрудняют производство (в самом широком смысле слова, т.е. включая пространственное перемещение товаров), другие пытаются устанавливать цены, отличные от тех, которые сложились бы в условиях рынка. Первые мы называем политическим вмешательством в производственную деятельность; вторые, широко известные под наименованием твердых или фиксированных государственных цен, — политическим вмешательством в ценообразование¹.

III. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПУТЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

С позиции экономической науки мало что можно сказать по вопросу о непосредственном влиянии мер политического вмешательства в производственную деятельность. Непосредственные цели, которых хотели бы достичь власти или принуждающие организации, осуществляющие такое вмешательство, вполне могут быть достигнуты. Другой вопрос, смогут ли

¹ В связи с этим правомерен вопрос о целесообразности выделения еще одной, третьей, группы приказов — мер в сфере налоговой политики, т.е. таких мер, суть которых состоит в отчуждении части собственности или доходов. Мы этого не делаем, при этом в качестве оправдания можно было бы привести следующий аргумент: воздействие таких мер частично равнозначно мерам вмешательства в производство, а частично заключается в том, что происходящее в их результате перераспределение производственного дохода не приводит к изменению всего характера производства в целом.

они тем самым реализовать более отдаленные цели, чем цели промежуточного характера. При этом необходимо оценить, стоит ли эффект от этих мер потраченных на них средств, т.е. решились бы регулирующие органы прибегнуть к мерам вмешательства даже в том случае, если бы они наверняка знали, какие издержки при этом возникнут. Так, например, введение таможенных пошлин осуществимо на практике; при этом нельзя исключить, что непосредственные и последующие результаты этих мер будут отвечать целям правительства. Но это еще отнюдь не означает, что те задачи, которые правительство хотело бы решить в конечном счете, на самом деле могут быть решены. Вот то место, с которого представители экономической науки начинают свою критику: теоретики свободной торговли говорят не о том, что таможенные пошлины невозможны или вредны, а о том, что они могут иметь нежелательные последствия, что те цели, на которые, по мнению их сторонников, они направлены, не будут и не могут быть достигнуты. Однако гораздо более существенное значение имеет утверждение приверженцев школы свободной торговли о том, что таможенная защита, как, впрочем, и все меры политического вмешательства в производственную деятельность, снижает производительность общественного труда. Является ли результатом таможенной защиты выращивание зерновых на менее плодородных землях, в то время как <в другой стране> более плодородные участки пашни остаются невозделанными, направлены ли меры экономической политики по отношению к среднему предпринимательству (например, наличие квалификационного удостоверения для занятия определенными видами деятельности, как это имеет место в Австрии, или налоговые льготы для мелких предприятий) на поддержку менее эффективных предприятий за счет более эффективных, приводит ли ограничение продолжительности рабочего времени или использование определенных категорий работников (женщины, молодежь) к сокращению количества располагаемого труда, в любом случае конечный эффект всех этих мер состоит в том, что при одинаковых затратах труда и капитала будет произведено меньше, чем в отсутствие государственного вмешательства, или в том, что с самого начала на цели производства будет направлено меньшее количество труда и капитала. Нельзя исключить, что вмешательство было бы осуществлено даже в случае абсолютного предвидения его последствий, поскольку имелось в виду решить при этом

не только чисто экономические, но и другие, по мнению организаторов данного акта вмешательства, более важные задачи, чем ожидаемое недопроизводство товаров. Однако стоит серьезно усомниться в такой возможности, поскольку любое политическое вмешательство в производственную деятельность оправдывают — полностью или частично — ссылками на аргументы, согласно которым это вмешательство не только не сдерживает рост производительности, но даже стимулирует его. В том числе законодательные меры по ограничению использования труда женщин, молодежи и детей принимались якобы только по той причине, что были направлены исключительно против предпринимателей и капиталистов и что они выгодны защищаемым группам работников, поскольку последние теперь должны меньше работать.

В критике работ кафедр-социалистической направленности совершенно справедливо указывалось на то, что абсолютно объективного понятия производительности не существует и все суждения относительно цели экономической деятельности носят субъективный характер. Однако когда мы начинаем говорить о том, что меры политического вмешательства в производство снижают производительность труда, мы тем самым пока еще не переступаем границу той области, в которой различие субъективных оценок не позволяет делать высказывания о целях и о средствах этой деятельности. Если вследствие появления автаркических хозяйственных территорий нарушается международное разделение труда, а использование преимуществ крупномасштабного специализированного производства и применение труда в наиболее выгодных местах становится невозможным, то в этом случае, как можно предположить, мнение подавляющего числа жителей земли относительно нежелательности такого рода результатов будет достаточно единым. Как уже было сказано, кому-то может показаться, что преимущества автаркии перевешивают ее недостатки. Но уже один тот факт, что, как правило, при обсуждении всех «за» и «против» при принятии таких мер их сторонники или смело утверждают, что эти меры не приведут к уменьшению количества и ухудшению качества произведенных товаров, или, по крайней мере, они не готовы говорить об этом с полной ясностью и откровенностью, показывает, что никто не сомневается в том, что пропаганда в пользу этих мер была бы бесперспективна, если бы содержала всю правду об их последствиях.

Любое политическое вмешательство в производственную деятельность так или иначе непосредственным образом сдерживает производство, поскольку исключает некоторые варианты из имеющегося набора применений товаров более высоких порядков (земля, капитал, труд). По природе вещей властям не дана возможность создавать что-либо, сказав «Да будет...». Только наивный инфляционист мог верить в то, что государство с помощью «декретных денег» в состоянии сделать человечество богаче. Власть не может творить, но она способна путем издания приказов если и не устранить из мира бытия нечто в нем существующее, то по крайней мере искоренить это нечто в мире разрешенного. Она не в силах сделать богаче, но способна сделать беднее.

Большинство мер политического вмешательства с такой очевидностью свидетельствуют об этом, что их авторы лишь изредка отваживаются открыто ставить их себе в заслугу. Целые поколения авторов тщетно пытались опровергнуть, что результатом такого вмешательства может быть только уменьшение количества и ухудшение качества производимых товаров при одних и тех же затратах. Сегодня совершенно бессмысленно полемизировать с аргументами, которые, например, выдвигаются в поддержку протекционистских пошлин с чисто экономической точки зрения. Все, что можно сказать в их защиту, сводится к тому, что те обременения, которые они накладывают, могут быть компенсированы другими, не чисто экономическими преимуществами, например, они могут преследовать цель в большей или меньшей мере отгородиться от заграницы, руководствуясь соображениями национальной и военной политики¹.

Трудно игнорировать, что результатом политического вмешательства в производство всегда является уменьшение производительности общественного труда, и тем самым общественного дивиденда; по этой причине никто не берет на себя смелость отстаивать меры такого вмешательства как особую систему экономической политики. По крайней мере, большинство приверженцев этих мер рекомендуют их сегодня только

¹ Критику этих утверждений см. в моей книге «Nation, Staat und Wirtschaft» (Wien, 1919), S. 56 ff. (особенно в части, касающейся немецкой политики с конца 70-х годов) [Мизес. Нация, государство и экономика. М.; Челябинск: Социум, 2024. С. 78 сл.] [См. также: Мизес. О целях торговой политики // Мизес. Политическая экономия войны и мира. М.; Челябинск: Социум, 2024. С. 1—28. — Ред.]

как дополнение к политическому вмешательству в ценообразование. Основу системы интервенционизма образует политическое вмешательство в ценообразование, а не в производственную деятельность.

IV. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПУТЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН

Меры политического вмешательства в ценообразование направлены на то, чтобы устанавливать цены на товары или услуги иным образом, чем это происходит на свободном рынке.

В рамках системы образования цен на свободном рынке в случае, если власти не ликвидируют свободу ценообразования, производственные издержки покрываются за счет выручки. Если власти предписывают снизить цену, то размер выручки становится недостаточен для компенсации издержек. По этой причине торговцы и производители придерживаются товаров, если только речь не идет о товарах, длительное хранение которых ведет к быстрому падению их стоимости, до лучших времен в ожидании, что административные предписания скоро будут отменены. Если власти не хотят, чтобы результатом их предписаний стало полное исчезновение соответствующих товаров из обращения, они не смогут ограничиться установлением на них твердых цен и должны будут одновременно потребовать выставить на продажу все имеющиеся товарные запасы по предписанным ценам.

Но и этого будет недостаточно. Идеальная рыночная цена предполагает соответствие между спросом и предложением. Однако, поскольку в силу властных предписаний устанавливается более низкая цена продажи, при сохранении прежнего предложения начинает расти спрос. Имеющихся запасов оказывается недостаточно для полного удовлетворения всех потребителей, которые готовы платить за товары по спущенным сверху ценам. Часть спроса останется неудовлетворенной. Рыночный механизм, который в противном случае устанавливает равновесие между спросом и предложением за счет цены, больше не работает. В результате потребители, которые были готовы покупать свои товары по предписанной властями цене, будут вынуждены покинуть рынок с пустыми руками. Те из них, кто раньше других оказался на рынке или сумел использовать какие-то личные связи с продавцами, уже раскупили все запасы; остальные остались ни с чем. Если власти хотят избежать таких последствий своего вмешательства,

которые в общем-то противоречат их целям, они должны будут дополнить фиксированные цены и принудительную продажу нормированием потребления имеющихся товаров. То есть на основе властного распоряжения будет определено, сколько товаров может быть отпущено каждому желающему по предписанной цене.

Несравнимо более сложная проблема возникает в том случае, если в момент провозглашения властями соответствующих ограничительных мер имевшиеся в наличии товарные запасы уже закончились. Поскольку производство товаров для продажи по предписанным ценам нерентабельно, оно будет ограничено или полностью прекращено. Если власти захотят, чтобы производство товаров продолжалось, они будут вынуждены обязать к этому производителей; они должны будут в этих целях установить цены на сырье, полуфабрикаты, а также фиксированную заработную плату. Такого рода распоряжения не могут быть ограничены только одной или несколькими отраслями производства, которые власти хотели бы поставить под контроль, поскольку рассматривают производимые в них продукты в числе наиболее важных. Регулирование должно охватить все отрасли производства, цены всех товаров и все ставки заработной платы, а также экономическое поведение всех предпринимателей, капиталистов, землевладельцев и рабочих. Если хотя бы несколько отраслей останутся свободными, в них немедленно начнется приток капитала и рабочей силы, что не позволит добиться тех целей, которые власти ставили перед собой, изначально планируя меры вмешательства. Ведь, вводя регулирование, правительство стремилось обеспечить изобилие предложения именно той отрасли производства, продукции которой они придают особую важность. Ухудшение условий ее производства — именно вследствие мер вмешательства — целиком и полностью противоречит их намерениям¹.

¹ О том, в какой степени твердые государственные цены могут воздействовать на монопольные цены, см. мою статью: *Theorie der Preistaxen // Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 4. Aufl. 6. Bd. S. 1061 f. (см. ниже, с. 157—158). Чтобы правильно оценить то значение, которое в настоящее время имеют твердые государственные цены, направленные против монопольных цен, следует отказаться от широко распространенного среди обывателей представления о «монополии», которые видят ее повсюду, и строго придерживаться научного политэкономического понятия монополии. [Об этом см.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru